

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...*
Ф. Тютчев

Муки писательские

Каждый человек стремится создать свой собственный мир по собственному разумению. А если в реальности у него не всегда получается это сделать, то кто-то создает его в виртуальном пространстве, иные лишь мечтают о нем, а есть и такие, что занимаются этим на бумаге, предлагая погрузиться в него своим читателям.

...Кто бы что ни говорил, но речь дана нам не только для общения. Передавать информацию можно жестами, мимикой, свистом и еще массой других способов. Но речь – это божественный дар, и каждое наше слово обращено к Богу. Слова, облаченные во фразы и занесенные на бумагу, становятся по сути своей бессмертны. Они переживут автора, оставившего после себя самое ценное в этой жизни – собственные мысли...

Вряд ли я думал об этом, когда только научился выводить свои первые детские каракули. Не знаю, когда именно передача на бумагу знаков, складывающихся в слова, предложения, стала для меня столь же естественной, как дышать, думать, идти, есть и пить. Священнодействие письма завораживало, очаровывало и несло в себе таинство. Человек с пером в руке – это не просто человек, а волшебник, чернокнижник, маг. Писать слова – это как вызывать духов. Священный обряд. Если раньше первобытные люди царапали на скалах изображение животных и поклонялись им, то теперь мы поклоняемся мыслям, что рождают гении.

Когда я узнал значение букв и научился оставлять на бумаге свои слова, то мной овладело желание обозначить, запечатлеть каждый свой поступок и дремлющее во мне желание что-то совершить, исполнить. Неважно, что назавтра они забывались, сменялись другими, но бумага стала моим посредником между мечтаниями и реальностью. Главная беда состояла в том, что мысль не попевала за пером, за движением руки. Слишком мало чернил захватывало металлическое перо, и уже на второй-третьей букве его нужно было вновь обмакивать в чернильницу. Одно предложение требовало связки с предыдущим, трудно было подыскать нужные слова, а еще труднее написать их без ошибок. Моя грамотность была ужасна и, если честно, меня этот факт несколько не волновал. Главное, что медленно, очень медленно чистый лист покрывался буквицами и, добравшись до середины тетрадного листка, я уже изнемогал, словно переколол поленницу дров. Потому самым страшным уроком для меня было чистописание, где от нас требовали каллиграфичности написания, а тех, кто выдавал в тетрадке немислимые каракули, нещадно стыдили, и выражение «как курица лапой» прочно пропечаталось в моем мозгу.

Невелик был и запас используемых мной слов: «пошел, увидел, сказал; дом, школа, магазин». Еще имена друзей и знакомых. В результате получалось: «Встретил Вову», «Ходил в школу», «Играл с собакой». Да, не очень-то высокого пошиба творчество рождалось из-под моего пера. Но

это было мое творчество, без нажима с чьей-то стороны, а добровольное, самостоятельное...

Наиболее неординарными были описания совместного возвращения из школы меня и моей соседки по парте, жившей неподалеку. Естественно, при всей пылкости своей натуры я был в нее тайно влюблен, и если бы на тот момент обладал определенным запасом требуемых слов, фраз, образов и, главное, мужества, решительности, то наверняка бы посвятил ей не один десяток стихов, а то и поэм. Может быть, так оно со временем и случилось, если бы судьба в лице моего отца не провела меня без великих потерь мимо участи лирического поэта.

Свои записи я тщательно прятал под стопку старых тетрадей, наивно надеясь, что никому до них дела нет. То была не просто наивность, а детская философия, из которой вытекало, что все написанное лично тобой принадлежит исключительно тебе и для других глаз не должно быть доступно. Как же я был неправ и потому наказан самым жестоким образом, да так, что те давние переживания нет-нет да и вспыхнут с новой силой, и уже в зрелом возрасте румянец непроизвольно прихлынет к щекам, и вновь в который раз испытаешь то давнее чувство неловкости и ... стыда.

Так вот, однажды вернувшись из школы, я был поражен громкими взрывами смеха, что неслись из кухни, где находились мои отец и мать. Больше в доме никого не было. Я даже обрадовался, что у родителей такое хорошее настроение, значит, не будут спрашивать, где задержался, проверять дневник. Поначалу я решил, что папа читает вслух очередную выдержку из журнала «Крокодил», что был тогда главным источником советских юмористов, не считая, конечно, анекдотов, что рисковали рассказывать далеко не в любой компании. Но потом, прислушавшись, к ужасу своему понял, что папа зачитывает выдержки из моего дневника. Меня кинуло в жар, я промчался не раздеваясь в свою комнатку за занавеской и упал лицом вниз на кровать. Не помню, плакал ли я тогда или просто изрыгал беззвучные проклятия и при этом сгорал от стыда. Тогда впервые в жизни мне было так стыдно. Да, стыдно и неловко, словно совершил что-то непристойное, чему нет прощения. Захотелось убежать из дома и не возвращаться обратно. А вот войти на кухню, забрать свой дневник, сказать родителям что-то обидное, мол, нехорошо, некрасиво читать чужой дневник, у меня элементарно не хватило мужества.

Не буду скрывать, я боялся своих родителей. Не за то, что накажут, поставят в угол, то было привычно и обыденно, если заслужил, а потому что пришлось бы открыть свою главную мечту – составлять из слов фразы. Меня наверняка бы обозвали Пушкиным или Толстым, а получить такую кличку и того хуже. Потому я просто сделал вид, что ничего не произошло, и я не заметил исчезновения своего дневника. Когда же он в мое отсутствие появился на том же самом месте, где и лежал, я тут же сжег его. И никогда больше дневники не писал. Или даже что-то связанное с преданием бумаге собственных мыслей, не говоря о чувствах. Не хватало смелости. И еще во мне поселилась боязнь быть публично высмеянным, хотя родители ни словом не обмолвились, что стали первыми в жизни читателями моих «сочинений».

Следующие десять лет, а то и больше, я не писал ничего кроме стандартных, заданных по программе школьных сочинений, опять же стараясь использовать не свои фразы, не то, о чем думал, а брать их из учебников, газет, откуда угодно, но только не свое. Может оно и хорошо, что тем самым пережил пору графоманства, которой болеют все без исключения,

как коклюшем или скарлатиной. Не думаю, что родил бы в пору своей юности что-то экстраординарное. Но зато понял, что занятие магией слова чревато ответственностью за каждое написанное тобой слово. Рано или поздно за него придется ответить, и уже не перед родителями, а перед всеми, кому в руки твое сочинение попадет. И самое главное, твои слова, как и мысли, дойдут до Бога. Что ты обозначишь на бумаге, то рано или поздно получишь в ответ. И добро и зло, выплеснувшееся из тебя, будет жить где-то поблизости. Вот потому к слову и нужно относиться не только бережно, но и с осторожностью. Магия слова – это реальность...

О поиске сюжетов и героев...

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*
Б. Пастернак

Лично меня всегда интересовало все, что происходило в прошлом не только в мире, в моей стране, но и в городе, где живу. Прежде всего хотелось узнать: кто были мои предки, чем они занимались, что претерпели, почему мои дети именно такие и чего ждать от них в будущем. Все это рано или поздно становится питательными соками для любого творческого человека, будь он музыкант или художник, а тем более человек, занятый литературным творчеством. Мы лишь воспроизводим то, что было в нас когда-то заложено. И после нас, надеюсь, будут точно такие же восходы, родившиеся на наших трудах, мыслях, образе жизни.

Потому, когда мне пришлось обдумывать первые свои сюжеты, то невольно вспомнились рассказы учителей, родителей о том, что было раньше, задолго до нашего появления на свет. Именно тогда зарождалась сибирская история с появлением здесь русского населения, с утверждением письменности, летописания и иных культурных традиций.

Может, потому после первых своих неудачных детских окололитературных попыток что-то воспроизвести на бумаге с большой осторожностью взялся написать сценарий и дикторский текст к собственному любительскому фильму «Гражданин Тобольска», посвященный П.П. Ершову. И потом через несколько лет поиска «собственного голоса» в различных жанрах остановился опять же на сценарии о первом сибирском историке П.А. Словцове. Его приняло к постановке Тюменское областное телевидение, и результат превзошел все мои ожидания: призовое место на региональном конкурсе «Белые пятна Сибири», а в дальнейшем показ на общероссийском телевидении.

А потому, уже не сомневаясь в своем творческом потенциале, смело взялся за написание игрового сценария о роде сибирских купцов Корнильевых, предках Д.И. Менделеева. Мало того, с черновым вариантом сырого, недоработанного сценария постучался в двери «Мосфильма», где сценарий брали в руки несколько именитых режиссеров и... отводя взор от глаз автора, возвращали его обратно.

На мое счастье, один опытный сценарист нашел время и силы прочесть мой опус и дал весьма обнадеживающий совет: «Старичок, у тебя не сценарий, а начало романа. Поезжай обратно в свою Сибирь и пиши. И может быть, когда-то по мотивам твоих книг снимут фильм». С этим

напутствием и вернулся обратно, поняв, что кино – это кино, а вот литература была и остается литературой во все времена и в любой стране, что бы там ни происходило.

Пробой пера для меня стала небольшая повесть с претензионным названием «Под знаком Рака», построенная на рассказах некоторых моих знакомых. К моей великой радости, ее приняли к печати в омском литературном журнале «Иртыш», правда... попросив сократить ровно наполовину.

А вслед затем началось поэтапное вхождение в историческую науку. Плодом этих изысканий стал выпуск альманаха «Тобольский хронограф», встреченный читателями с большим интересом. В разные годы удалось сделать еще три выпуска альманаха и привлечь несколько десятков авторов. Но редактирование, сбор средств, поиск иллюстративного материала занимал массу времени. А взвалить или хотя бы разделить потуги редактора-составителя желающих не нашлось.

Публикация моих первых еще робких исследований по исторической теме неожиданно принесла свои плоды, и мне была предложена должность преподавателя на кафедре в Тобольском педагогическом институте. А это совсем другой круг общения и совсем иной подход к научной тематике. Тогда же защитил кандидатскую диссертацию все в том же Омске, где увидел свет первый «Хронограф». Для этого пришлось едва ли не поселиться в местном архиве, где провел незаметно для себя несколько десятков лет в поисках нужных документов.

Но в какой-то момент архивные поиски, а также материалы современных и дореволюционных авторов перестали меня удовлетворять. Захотелось узнать о тех или иных событиях из первых уст, то есть от живых людей, которые, как подозревал, были хранителями древних легенд и преданий среди местного населения. Если точнее, меня заинтересовали легенды сибирских татар, тем более что я тогда готовился к написанию своего первого романа о Ермаке и хане Кучуме и остро ощущал нехватку материала, связанного с бытом тогдашних сибирских поселенцев. Но узнать об этом можно было, лишь отправившись в экспедицию по большим и малым селениям этого самобытного народа.

Вот и задумал провести экспедицию в верховья Иртыша, взяв с собой нескольких студентов из пединститута. Мы добрались до села Большой Карагай, находящегося в неподалеку от Усть-Ишима, а затем посетили в течение недели около десятка сел, и везде нам рассказывали всяческие легенды, истории. Но при этом все местные жители направляли нас к некому Асхату Ниязову из небольшой деревушки Ешаир, который эти самые легенды упорно собирает уже несколько лет.

Делать нечего, отправились в Ешаир. Пешком. По жаре. Нашли Асхата. Обычный молодой еще парень, который действительно, будучи неженатым, упорно ездил по окрестным деревням и слушал легенды своего народа. Но об Асхате и его уникальности следует вести речь отдельно. Скажу лишь, что собранный им материал для печати в том виде просто не годился, потому как каждая его история укладывалась всего лишь в несколько предложений. Через несколько лет я взялся обработать и выстроить в связное повествование те легенды и затем выпустил их отдельной книгой «Легенды древнего Карагая».

В те же годы в конце 80-х мне улыбнулась судьба, когда я на несколько лет перебрался в деревню, носящую вполне благозвучное название Белая. В ту пору в ней осталось лишь несколько домов, где доживали свой век

не желавшие перебраться в город пожилые жители. Считаю, что мне как человеку сугубо городскому, хотя и знакомому с основами домашнего хозяйства, но редко сталкивающемуся с различными тонкостями и привычками сельского быта, в этом плане ужасно повезло и наложило определенный отпечаток на мое сочинительство. Действительно, не так-то просто оказалось прожить несколько лет в крестьянской избе с русской печкой, с речкой в овраге вместо водопровода и всеми остальными прелестями жизни в сибирской глуши. И лишь когда ее жители, пусть не до конца, приняли меня за своего, начался полный контакт и узнавание от них самых разных полумифических фольклорных тем, которые вполне можно назвать сибирской мифографией малоизученной и освещенной.

Там и состоялось мое знакомство с дедом, прозванным односельчанами Башкуром, который буквально сразил меня своими фантастическими рассказами о русалках, леших, баницах и прочей нечисти. Но что интересно, оказалось, многие из них мне пришлось слышать еще в детстве, когда мой дед, будучи землестроителем, брал меня в поездки по разным деревням, где вечерами собирался почтенный деревенский народ, и обязательно рано или поздно речь заходила о чем-то таинственном на грани было-не-было... Мой детский умишко все впитывал и до поры до времени держал в памяти.

И вот уже на основе вновь услышанных от местных старожил коротких быличек и просто различных жизненных ситуаций отдельные сюжеты сформировались в рассказы, которые удалось за довольно короткий срок обработать и собрать в единое повествование с говорящим названием «Блинчики деда Башкура».

Любой город уникален тем, что имеет свои топонимы, которые живут и не стареют десятки лет, а то и столетий. Меня лично все эти старинные названия притягивали долгие годы, и хотелось тоже как-то увековечить, сохранить память о них в коротких рассказах. Сборник, в который они вошли, был озаглавлен так: «Тобольские сказания про разные названия». Там же были и «Сибирские сказы про разные проказы» и «Чудотворье» об истории появления и прославления Абалакской чудотворной иконы Божьей Матери».

Стиль сказов выискивал довольно долго, хотелось, чтобы он походил на народные сказания, имеющие свой ритм и присказки. Они были написаны в том же ключе, что и «Блинчики», но несколько в иной стилистической манере и снабженные шуточными иллюстрациями, выполненными профессиональным художником.

Меня интересовали судьбы людей, живших в Сибири, в Тобольске задолго до нас. В результате долгих поисков в фондах местного архива и музея были составлены краткие биографические очерки о сибирских архиастырях (епископах, архиепископах, митрополитах). Книга о них получила название «Светочи земли Сибирской». А более обширные и углубленные поиски и работа целого коллектива авторов позволила издать фундаментальный труд «Тобольский биографический словарь».

Занимаясь историей Сибири, постоянно встречал документы, связанные с деятельностью неординарных личностей, чьи судьбы при более глубоком знакомстве с ними просто потрясают. Именно тогда мне попались упоминание о тобольском «купецком сыне» Иване Зубареве, который не захотел заниматься торговлей и продолжить дело отца, а занялся поначалу выявлением взяточников на таможне. Потом поиском серебряных руд на Южном Урале. Пробился со своим прошением о разработке этих самых руд к самой императрице Елизавете Петровне. По неизвестной при-

чине он попал к прусскому королю Фридриху и согласился участвовать в освобождении российского наследного принца Иоанна Антоновича. Об Иване Зубареве упоминает историк С.М. Соловьев, считая его одним из виновников начала войны между Россией и Пруссией. Вот это судьба, ничего не нужно придумывать, только пиши...

Так постепенно копился материал, послуживший основой для исторического романа «Отрешенные люди», со временем переросшего в четырехтомное издание. Туда вошла история о другом тобольском авантюристе, – Василии Мировиче, – выпускнике Тобольской духовной семинарии, который, как и его предшественник (Иван Зубарев) пожелал самолично освободить из Шлиссельбургской крепости все того же наследного принца Иоанна Антоновича. Книга о нем носит название «Непоборимый Мирович».

А вот «Легенды древнего Карагая», основанные на легендах сибирских татар, удалось выпустить первоначально лишь небольшим тиражом, но также снабженные рисунками к каждому рассказу. Мало того, там же имелся перевод текста на татарский язык. Много позже все три книги под одной обложкой с единым названием «Сибирские сказания» были изданы первоначально в издательстве «Сибирский рабочий», а затем в Московском издательстве «Вече».

Совместно с аспирантом Артемом Зелениным мы задумали написать книгу о монастырях России и Сибири под названием «Духовные твердыни земли Русской», и после нескольких лет работы нам это удалось.

Меня давно интересна судьба «огнепального» протопopa Аввакума, проживавшего несколько лет в Тобольске и служившего в одной из городских церквей. Книга, посвященная ему, вышла под названием «Страна Печалия».

И наконец настало время обнародовать автобиографические зарисовки о своей семье, детстве, годах юности, людях, оставивших о себе след в памяти автора. И там же две повести под общим названием «Щепа и судьба».

А заключительным аккордом научно-исследовательской деятельности автора стал трехтомный труд «Вехи сибирской истории», выпущенный издательством «Уральский рабочий».

Таким образом, путь мой пролегал по двум направлениям: научные исследования истории России и Сибири, а также в литературном направлении, когда те или иные исторические факты легли в основу книг в жанре исторического романа. И не могу твердо ответить, какой из них предпочтительней. Скорее всего, они дополняют друг друга, а об остальном пусть судят сами читатели...

Литературный процесс как он есть...

*И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Б. Пастернак

Если говорить не только о написании книги, но и о дальнейшем ее издании, то следует разделять эти два далеко не однозначных процесса. Считаю, что подготовив к изданию свою рукопись, ты тем самым, как и с рождением ребенка, несешь ответственность за ее дальнейшую судьбу.

А потому постараюсь весьма сжато изложить процесс, связанный с изданием своих книг. Первой из них стал «Тобольский хронограф». В

нем кроме статей по истории Тобольска были помещены статистические данные по городу конца XX столетия, приводились имена воевод, губернаторов, архипастырей за дореволюционный период.

Книгу печатали в одном из ближайших к Тобольску городов – Омске. Там тогда существовало издательство, которое взяло на себя верстку и корректуру рукописи, естественно, за неплохие деньги. Самый большой вопрос возник с тиражом. Сколько экземпляров заказывать? Мы вместе с первым моим спонсором Рашидом Авдеевым были в этом вопросе тогда совершенными «чайниками», а потому заглянули в несколько книг современных авторов. Тираж там колебался от 20 тыс. до 150 тыс. экземпляров. У нас хватило ума остановиться на 15 тысячах экземпляров. Вышел «Хронограф» из печати в декабре 1993 г. и перед самым новым годом был вывезен из типографии.

Когда получили весь тираж, привезли его в Тобольск, разгрузили в частный гараж и невольно испугались, совершенно не зная, куда будем девать все это немислимое количество книг. Но самое удивительное, что весь тираж разошелся, и встречать томик первого «Хронографа» мне приходилось в самых неожиданных географических точках.

После Омска мы резко решили переместить свое издательское кредо и выйти на столичный уровень. Быстро нашлось издательство со звучным названием «Культура». У них был один из первых в стране компьютеров – размером с пианино. Там были изданы первая книга «Кучума» тиражом 20 тыс. и «Тобольский хронограф» № 2 тиражом 10 тыс. экземпляров.

А затем состоялась первая в городе презентация «Кучума» в Квадратной башне Кремля. Атмосфера незабываемая: горящие глаза слушателей и зычные голоса выступающих. Но как же меня потом стыдили за качество московских изданий, когда попал наконец в серьезное издательство «Уральский рабочий» в Екатеринбурге.

По разным причинам пришлось расстаться с первым своим спонсором и второй том «Кучума», а затем и третий в 1998 г. издавать самостоятельно, сохраняя довольно значительный тираж в 10 тыс. экз. И на этом, можно сказать, мой курс «кучумоведения» пришел к логическому завершению. И хотя многие земляки полусхотят, полусерьезно настаивали, чтобы трехтомник превратился в сериал (а было как раз время незабвенных «Рабыни Изауры» и «Санта-Барбары»), на их лестные предложения не поддался. Зачем? Литературный жанр имеет свою основу и от киношного кое-чем, но все же отличается...

Книга «Светочи земли Сибирской» вышла из печати 1998 г. В ней содержится 39 биографий сибирских архиереев и митрополитов. Через год (в 1999 г.) были напечатаны «Блинчики деда Башкура» и, не побоюсь сказать, читатели встретили ее с большим интересом. Случалось, приходили за ней даже ко мне домой.

Не знаю, верно это или простая сплетня, но много позже некий ветеран из местной администрации сообщил мне по большому секрету, что когда те самые «Блинчики» заполучил и ознакомился с ними известный писатель Валентин Распутин, он категорически потребовал от тобольской администрации полного изъятия книги и ее дальнейшего уничтожения. Ничего не могу сказать на этот счет. То его видение наших реалий. К тому же весь тираж разошелся в довольно короткий срок.

Шел сбор материалов для издания следующих номеров «Тобольского хронографа». В перспективе хотелось наладить регулярные выпуски самостоятельного исторического альманаха, в котором местные авторы могли

публиковать свои материалы по истории Сибири и Тобольска. Благодаря этому я познакомился с очень интересными и компетентными людьми, которые разделяли мои идеи по его выпуску.

Но ... книгу мало написать и подготовить к изданию. Вслед затем ее нужно напечатать, а для этого найти деньги на издание, а потом еще вывезти из типографии, реализовать тираж, а собранные деньги использовать для выплаты гонораров авторам и очередную публикацию. А это оказалось процессом весьма далеким от литературного творчества. Иначе говоря, желания не совпали с возможностями. И тем не менее третий «Хронограф» включил труды дореволюционных авторов, материалы по этнографии и даже статью по ботанике. К печати третий выпуск был подписан в январе 1998 г. при тираже 2 тыс. экз. в Екатеринбурге.

А четвертый «Хронограф» получился и вовсе солидный: в нем были уже разделы по археологии, не опубликованные ранее письма дореволюционных исследователей-сибиряков, даже выстроилась небольшая очередь из числа желающих из разных уголков Сибири. Был подписан к печати в «Уральском рабочем» в июне 2004 г. тираж 2 тыс. экз. Но вот пятый «Хронограф» так и остался в виде отдельных статей в моем компьютере.

Теперь можно подвести некоторый итог: издание подобных альманахов не под силу отдельным энтузиастам. К тому же гляцевые журналы с сочными видами Кремля вытеснили информативные издания, которые пользовались спросом в стародавние времена. Людям хотелось чего-то суперкрасивого, чтобы ласкало глаз. Но не ум. Такая красота вряд ли спасет мир... Скорее наоборот...

Серьезную исследовательскую работу пришлось проделать при подготовке книги «Откуда земля Сибирская пошла». По сути дела это учебное пособие, задуманное как краткое изложение истории Западной Сибири, начиная с первобытного времени и до XIX в. Материал огромный, источники приходилось выискивать в разных изданиях, а сами издания искать у друзей, в библиотеках. Вот тогда-то осознал необходимость обзавестись собственной полноценной библиотекой, чтобы не тратить время на поиски нужных книг.

К тому времени руководил «Научно-издательским бюро» при комитете городской культуры. Собирать макет помогали мои сотрудники, имена которых указаны в книге, как и спонсоров, за чей счет книгу удалось издать в 2001 г. тиражом 3 тыс. экземпляров. Но самое главное, по ней вели уроки учителя школ области и нашего города. А это уже что-то...

В том же году вышла книга «Тобольские сказания про разные названия» все в той же типографии «Уральский рабочий» в январе 2001 г. тиражом 1500 экземпляров. Затем был «Тобольский биографический словарь», изданный в 2004 г. (тираж 2 тыс. экз.) Издание осуществлено при финансовой поддержке депутата Государственной Думы Ю.М. Конева.

Вряд ли найдется другая книга, к составлению которой мне пришлось приложить столько сил, чем эта. Не могу даже указать точного количества лет, затраченных на нее. Может семь, а может и восемь, если не все десять. Первоначально был лишь замысел собрать сведения обо всех известных людях, чья жизнь и деятельность была так или иначе связана с Тобольском. Но что значит «известных»? Кому они известны? Специалистам или рядовому обывателю? И еще. Как быть с нашими ныне живущими современниками? Ведь есть и такие, чье имя может быть внесено в подобный словарь уже в наши дни. Одним словом, сомнений и непростых решений было множество.

И главный вопрос – кто войдет в число авторов? Одному человеку замахиваться на нечто подобное даже думать не стоит. Обратился к тобольским историкам, работникам музея и архива. Набралось с десятков человек. Потом круг авторов расширился, подключились мои друзья из самых разных уголков Сибири. Мне как составителю и редактору пришлось обрабатывать каждую статью, сверять даты, инициалы, причем практически без помощников. Сидеть сутками и вычитывать. Затрудняюсь сказать, сколько точно биографий и имен изложено в «Словаре», но где-то близко к тысяче.

Книга о приключениях Ивана Зубарева под названием «Отрешенные люди» напечатана опять же в «Уральском рабочем» в апреле 2003 г. тиражом 2 тыс. экз. Но это далеко не все о добровольных освободителях царственного узника Иоанна Антоновича. Следующим стал опять же тоболяк Василий Минович. В результате в московском издательстве «Вече» был выпущен четырехтомник «Отрешенные люди» о приключениях авантюристов XVIII столетия, родившихся в Тобольске.

Выпустить книгу «Легенды древнего Карагая» удалось по решению руководства пединститута в местной типографии в 2009 г. Причем весьма незначительным тиражом – всего в 100 экземпляров.

Пришло время, и работники одного из центральных российских издательств «ВЕЧЕ» обратили внимание на историю Сибири и наладили выпуск серии книг под лаконичным названием «Сибириада». Именно там была издана трилогия «Кучум», причем два тиража.

Очередная книга «Века и судьбы» была подписана в печать 27 июня 2012 г. в типографии «Уральский рабочий» при тираже 1 тыс. экз. В ней собраны исторические очерки людей, оказавшихся зачастую в Сибири, что называется, не по своей воле. Больше других меня затронула судьба царской невесты Марии Хлоповой, которая не по недоразумению, а скорее по злой воле матери царя Михаила Федоровича оказалась сосланной в Тобольск. Без суда, а только лишь по формулировке «Для продолжения царского рода непригодна...»

Или живший в середине XVIII века монах Феофилакт, сосланный в Тобольск за то, что не хотел исповедовать православие, а собирался принять иную веру. Обладая неукротимым характером, он бежал зимой с Софийского двора, прихватив куски материи и веревки, укрылся на одном из иртышских островов и там зимой несколько дней мастерил себе крылья, чтобы улететь из Сибири. Но в итоге вынужден был вернуться обратно на Софийский двор, потому как замерз, и пальцы не гнулись на морозе. Не будь на то время морозов, глядишь, Тобольск стал бы родиной одного из первых воздухоплавателей.

Шли годы, близилось 100-летие Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева, где уже состоял в штате в должности профессора, и вот к юбилею института было решено издать трехтомник «Кучум» при совместном финансировании с Тобольским музеем. Трехтомник вышел в свет в издательстве «Уральский рабочий» в 2016 г. при тираже 2 тыс. экземпляров.

Как видим, если первоначально автору пришлось самому заботиться об издании своих книг, в том числе и сборников с работами других исследователей, то в дальнейшем эта нагрузка легла на плечи профессиональных издателей, за что им премного благодарен. Главное, чтобы сам автор не терял веру в собственные силы, продолжал свои исследования и работал, прислушиваясь к мнению критики. А там, глядишь, все постепенно образуется...

Наш литературный Союз

Доброе братство дороже всякого богатства.

Русская пословица

Еще в перестроечные годы после выхода нескольких моих первых книг постучался в Тюменский Союз писателей России, куда был принят после придирчивого анализа своих изданных или еще только подготовленных к печати рукописей. В дальнейшем стал участником одного из съездов литераторов уже нового Российского государства. Хотелось бы отметить, что именно знакомство с собратьями по перу, как это принято говорить, во многом помогло избежать элементарных ошибок и просчетов, которые в большинстве своем допускают начинающие авторы.

Да, наш литературный союз создавался именно для этих целей. Именно потому порой возникают горячие споры вокруг той или иной авторской концепции происходящих событий, поскольку они зачастую могут быть диаметрально противоположными и даже нелицеприятными для человека, впервые взявшегося за перо. Но хотелось бы высказать свою точку зрения на цели и задачи, которые нас объединяют, и традиции, сложившиеся в результате шестидесятилетнего его существования.

Писательский Союз – это прежде всего союз творческих людей, и наша Тюменская писательская организация зародилась не на пустом месте. Ее образованию предшествовало не одно поколение, оставившее после себя творческое наследие, традиции, в основе которых лежит авторский взгляд на происходящее. И не только на те события, которые лицезрел тот или иной автор, но и на прошлое, что нас безусловно объединяет, делает единым народом со своей культурой и отношением к миру.

Именно историческое наследие объединяет тюменских писателей, а не только наше географическое единство территории проживания, поэтому в массе своей творчество тюменских авторов несет в себе дух тех давних первопроходцев, что пришли на эту землю много веков назад, построили города, наладили быт и производство, не потеряв при этом связь с центром России.

...Глядя как бы со стороны на собственное литературное наследие, что, согласитесь, достаточно трудно и даже ответственно, хотелось бы подытожить разнообразные направления творческих поисков автора и выделить несколько основных направлений: этнографически-фольклорное, историческая проза, исторические очерки, научно-исследовательская работа. Кому-то может показаться, что они порой несовместимы, как, к примеру, научные изыскания и написание романа. Но для меня это стало как бы дополнением одного направления поисков другим, и разница заключалась лишь в форме изложения событий. При этом неизменной осталась тема истории Сибири и наших предков. А это важно уже потому, что наша с вами история служит основой зарождения в человеке чувства патриотизма и гордости за свой край, где ты живешь.